

ИТАЛЬЯНСКОЕ ВОЗРОЖДЕНИЕ В ТРУДАХ РУССКИХ УЧЕНЫХ XIX ВЕКА

Проф. М. Гуковский

Энгельс называет эпоху итальянского Возрождения величайшим прогрессивным переворотом, пережитым человечеством¹. И действительно, эпоха эта была переломной, революционной по своему социальному, экономическому и культурному существу. Понятно, что интерес к итальянскому Возрождению растёт в эпохи переломные и революционные; понятно также, что взгляды на Возрождение, оценки его чрезвычайно сильно меняются от одного поколения к другому, даже от одного десятилетия к другому. В связи с этим эпоха итальянского Возрождения является одним из тех узловых пунктов истории человечества, отношение к которым характеризует историческую науку того или иного народа, той или иной национальной культуры. Существуют разделы истории, хорошая изученность которых сама по себе ещё не определяет общего уровня исторической науки данного народа. Не таково Возрождение. Оно наряду с французской буржуазной революцией конца XVIII в. и некоторыми другими этапами и эпохами истории является как бы пробным камнем успехов нашей науки.

Как же обстоит дело с изучением итальянского Возрождения в русской науке? Прежде чем попытаться ответить на этот вопрос, оговорим, что мы понимаем под термином «итальянское Возрождение». Это тем более необходимо, что понимание это весьма различно у различных историков².

Итальянским Возрождением мы считаем эпоху истории Италии, тянущуюся примерно с 1250 по 1527 г., причём в это понятие мы включаем все стороны исторического процесса: классовую борьбу и социальную структуру, экономику, политическую жизнь и культуру во всех её проявлениях.

Принимая столь широкое значение понятия «Возрождение», мы неизбежно должны будем признать, что изучение тех или иных явлений, относящихся к данной эпохе, началось весьма давно, по существу, ещё до её окончания. Такие труды, как исторические работы Макиавелли и Гвиччардини (XVI в.), издание основных хроник в монументальной серии Муратори (XVIII в.), история итальянской литературы Тирабоски (XVIII в.) или материалы к экономической истории Италии, изданные Паньбини (XVIII в.), заложили солидный фундамент для изучения всех основных сторон Возрождения.

¹ См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. XIV, стр. 476.

² Вопрос происхождения и развития термина и понятия «Ренессанс» посвящена специальная, впрочем, довольно поверхностная монография Philippi A. «Der Begriff der Renaissance». Leipzig. 1912. Более новый материал содержат работы Gantimori D. «Sulla storia del concetto di Rinascimento». Ann. d. R. Sanoia norm. sup. di Pisa. Lettere... Ser. II. Vol. I, f. III. 1932; Chabot F. «Il Rinascimento nelle recenti interpretazioni». Bull. of the Intern. Comm. of Histor. Sciences, № 19. May 1933. Washington. 1933; Eppelsheimer H. «Das Renaissance Problem». «Deutsche Vierteljahrschrift für Literaturwissenschaft und Geistesgeschichte». Heft 4; Jacob E. «Changing Views of the Renaissance History». N. S. Vol. XVI, № 63. 1931; Ferguson W. «Humanist Views of the Renaissance». The American Historical Review. Vol. XLV, № 1. 1939.

Однако наличие большого, в некоторых областях огромного числа исследовательских работ не привело в течение трёх веков к созданию единой концепции Возрождения как особой своеобразной эпохи в развитии Европы, эпохи переломной, революционной.

Такая концепция стала создаваться только в середине XIX века. В этот период расцвета молодого агрессивного капитализма, период культа сильной человеческой индивидуальности, не связанной никакими религиозными или этическими «предрассудками», в Возрождении склонны стали видеть в первую очередь эпоху освобождения человека от давящего гнёта средневековья, эпоху, рождающую гигантов воли и творческого размаха, рождающую новую, человеческую, гуманистическую культуру. Сначала в трудах французских историков-позитивистов середины века, а затем в ставшем классическим исследовании швейцарского историка Я. Бурхардта «Культура итальянского Возрождения» (1-е изд. 1860) представление об эпохе Возрождения как об особом, своеобразном этапе в истории Западной Европы было сформулировано с достаточной чёткостью и полнотой¹.

Бурхардт рассматривал Возрождение в первую очередь как переворот в сфере культурной, причём в пределах между началом XIV и серединой XVI века. Бурхардтовская концепция Возрождения настолько соответствовала вкусам и устремлениям буржуазии 60-х годов XIX в., так гармонично входила в систему её мировоззрения, что надолго была принята не только исторической наукой в узком смысле этого слова, но и историческим мышлением широких кругов интеллигенции вообще. Правда, эта концепция вскоре подвергается критике как с реакционных, так и с прогрессивных позиций. Но, несмотря на критику в течение ряда десятилетий, бурхардтовское понимание Возрождения продолжало господствовать, да и сейчас это понимание в литературе не узко специального характера и в общем представлении остаётся господствующим². В специальной же исследовательской литературе только ко второму десятилетию XX в. резко намечаются два течения, окончательно порывающие с Бурхардтом. Одно из них, реакционное, вообще отрицает революционно-прогрессивное значение Возрождения. Оно предлагает заменить термин «Возрождение» термином «Вырождение», прославляет средние века с их господством силы и церковного авторитета, с их презрением к науке и отрицательным отношением к свободному развитию человеческой личности³. Второе, прогрессивное течение сохраняет многое из концепции Бурхардта, но радикально видоизменяет её, главным образом в двух направлениях. Во-первых, в характеристику Возрождения вводятся элементы экономической и политической истории; они приобретают первенствующее значение, становятся необходимыми для понимания всей эпохи в целом. Во-вторых, эпоха Возрождения понимается не как нечто цельное, единое и неизменное, а она разбивается на ряд этапов, рассматривается в своём развитии⁴.

¹ Вопросу о различных концепциях Возрождения и особенно о критике концепции Я. Бурхардта посвящена наша статья «К вопросу о сущности так называемого итальянского Возрождения», помещённая в сборнике «Академия наук СССР — памяти К. Маркса». Л. 1932. За годы, последовавшие за выходом в свет названной статьи, появилось значительное количество новых работ. Как на наиболее интересные можно указать на статьи: Chabot F. «Il Rinascimento nelle recenti interpretazioni». Bulletin of the International Committee of Historical Sciences, № 19. Washington. 1933; Eppelsheimer H. «Des Renaissance Problem». Deutsche Vierteljahrschrift für Literaturwissenschaft und Geistesgeschichte. Heft 4. 1933.

² Приходится, к сожалению, отметить, что в учебнике для вузов по истории средних веков концепция Бурхардта принимается почти без всякой критики.

³ Именно такая точка зрения на Возрождение была широко распространена в немецкой фашистской литературе. Однако она появилась и начала играть заметную роль до прихода фашистов к власти.

⁴ Наиболее полно и интересно эта концепция отражена в работах А. Мартин, особенно в его книге «Soziologie der Renaissance». Stuttgart. 1932. См. также нашу заметку в «Историческом сборнике» № 3 за 1932 год.

Последняя точка зрения на Возрождение, безусловно, более соответствующая исторической действительности, является наиболее зрелым и прогрессивным из того, что создала по этому вопросу западноевропейская наука.

Однако следует обратить особое внимание на то обстоятельство, часто усиленно скрываемое буржуазными историками, что концепция эта создавалась под влиянием взглядов Маркса и Энгельса на эпоху Возрождения. Правда, ни Маркс, ни Энгельс не посвятили ни одного своего сочинения данному вопросу, а Маркс, основные работы которого были созданы до появления книги Бурхардта, даже не применяет термина «Возрождение». Однако в ряде своих сочинений Маркс и Энгельс столь радикально, по-новому подходят к анализу материала Возрождения, делают выводы, столь научно обоснованные и так много объясняющие в ранее непонятных или неправильно понимавшихся явлениях, что некоторые честные и добросовестные историки буржуазных школ не могли не использовать отдельные элементы гениального анализа марксовской концепции.

Замечательные страницы I и III томов «Капитала», говорящие о первоначальном накоплении, яркие характеристики, данные Энгельсом в «Крестьянской войне», в предисловии к «Диалектике природы», не могли не влиять на формирование научных взглядов тех буржуазных историков, которые, отнюдь не являясь революционерами, честно стремились использовать всё лучшее в науке.

Так, в борьбе между реакционным и прогрессивным пониманием эпохи Возрождения, в борьбе за концепцию Бурхардта и против неё и главным образом в связи с опубликованием и изучением нового громадного материала первоисточников из всех областей экономической, политической и культурной жизни XIV—XVI вв. развивалась наука о Возрождении.

Какое же место в этом развитии занимают русские учёные, какую роль сыграли они в нём? Постараемся разобраться в этом вопросе не загромождая изложение библиографическими перечислениями, а стремясь выделить основное, принципиально важное, новое и оригинальное.

Ещё до появления в свет книги Бурхардта и, следовательно, до возникновения представления о Возрождении, как об особом историческом периоде, история Италии XIV—XVI вв. привлекает внимание крупного русского историка, профессора Московского университета П. Н. Кудрявцева (1816—1858). Основная работа этого учёного посвящена истории Италии в эпоху раннего средневековья, однако наряду с этим Кудрявцев во время преподавания в университете и в своей научно-литературной деятельности уделяет много внимания более позднему времени. В 1855—1856 гг. в «Отечественных записках» появляется его работа «Данте, его век и жизнь»², в 1856 г. — «Юность Екатерины Медичи»³. Между сюжетами этих двух работ лежит вся эпоха Возрождения, ещё не получающая у автора единой синтезирующей характеристики, но уже ощущаемая как особый, исторически значительный период. Весьма симптоматично также, что именно Данте, последний поэт средневековья и первый поэт нового времени (Энгельс), провозвестник и пророк Возрождения, является темой для первой научной работы русского учёного о Возрождении.

Работы Кудрявцева в настоящее время читать трудно: они кажутся наивными, излишне повествовательными и разбросанными. Тщетно мы стали бы искать в них как термин «Возрождение», так и понятие, соответствующее этому термину. Основной задачей своих работ Кудрявцев считает освещение той или иной личности, рассматриваемой как с точки

¹ О Кудрявцеве см. Вайнштейн О. «Историография средних веков», стр. 299—301, М.—Л. 1940; Бузескул В. «Всеобщая история и её представители в России». Ч. 1-я, стр. 65—77. Л. 1919; а также Герье «Кудрявцев и его учёно-литературные труды». «Вестник Европы», стр. 148 и 564. Сентябрь — октябрь 1887 года.

² Кудрявцев П. Соч. Т. I, стр. 413. М. 1887.

³ Там же. Т. II, стр. 452.

зрения её биографии, так и путём анализа её творчества. Но Кудрявцев не довольствуется этим. «Если характер произведений, — пишет он, — определяется прежде всего личностью писателя, то самая личность necessarily образуется под влиянием той среды, в которой она поставлена. Страна и век кладут свою неизгладимую печать на каждого деятеля: кто образуется в полной гармонии с господствующими направлениями своего времени, а кто — в прямом противоречии с ними, но в том и другом случае нельзя не признать действия современности. Тонко пронаблюдательный Маккиавелли, скептический Монтэнь, суеверный Кальдерон, саркастический Рабле, глубокомысленный и вместе пламенный мечтатель Джордано Бруно, мистический Яков Бём и даже гениальный Шекспир — все они носят на себе явственную печать своего века, страны и народности, среди которых совершалось их воспитание и образовались понятия»¹.

Это основное утверждение Кудрявцева вряд ли можно признать особенно новым. В середине XIX в. оно становится лозунгом всей передовой исторической мысли; недаром автор в своей теоретической статье ссылается на работы Нибура, Шлоссера, Тьерри, Гизо, Гиббона, справедливо утверждая, что им «история обязана тем, что вышла из тесных рамок одностороннего обзора политических событий, что в них вошли один за другим все элементы общественной жизни и важнейшие явления народного быта, что они обняли собою все учреждения, верования, литературу, самую науку, словом всё умственное и нравственное развитие исторических народов»².

Прекрасно реализуемое стремление сочетать биографический метод изложения с рассмотрением широкого исторического фона, на котором выступает та или иная личность, стремление, не ограничиваясь политической историей, всесторонне изучить все явления исторического процесса роднит Кудрявцева с крупнейшими представителями исторической науки Западной Европы. Было бы, однако, ошибочно рассматривать его исключительно как продолжателя или пропагандиста идей западной науки: он оригинальный и вполне самостоятельный исследователь, идущий в ногу с развитием науки и никогда не теряющий смелости суждения, остроты критических оценок. Это особенно ярко сказывается в его подходе к пресловутой «расовой» теории, усиленно вводимой в научный оборот западными историками середины XIX в., в первую очередь Огюстеном Тьерри³. Признавая правильным выдвинутый его другом Грановским тезис о необходимости использовать данные естествознания для исторических построений и считая возможным поддержать требование о сближении естественных и гуманитарных наук, Кудрявцев, однако, резко и убедительно возражает против одностороннего и неумелого применения этого требования, против теории устойчивости рас и её решающего влияния на ход истории⁴.

Таким образом, в лице П. Н. Кудрявцева мы встречаем уже в 40—50-х годах XIX в. крупного самостоятельного исследователя Возрождения, выдвигающего ряд положений, чрезвычайно важных для дальнейшего изучения именно этой эпохи, в частности положение о необходимости комплексного изучения всех сторон её: экономики, социального и политического строя и культуры. Правда, в своих работах по истории Возрождения Кудрявцев далеко не полностью применил свои теоретические соображения, и к первоисточникам он обращается только в виде исключения, но и в таком виде его работы были большим достижением в середине XIX века.

¹ Кудрявцев П. «Данте, его век и жизнь», стр. 420—421. М. 1887.

² Кудрявцев П. «О современных задачах истории». Статья 1853 года. Соч. Т. I, стр. 33. М. 1887.

³ О расовой теории в сочинениях О. Тьерри см. в предисловии О. Вайнштейна к избранным сочинениям названного автора, стр. XVII, М. 1937.

⁴ Кудрявцев П. Соч. Т. I, стр. 54.

Несравненно меньшее влияние на дальнейшее развитие истории имели работы проф. Казанского университета Н. А. Осокина (1843—1895)¹; однако они чрезвычайно любопытны и глубоко показательны для общего направления русской науки о Возрождении. Общепринятый в русской историографической литературе презрительно снисходительный тон по отношению к «провинциальным» трудам Осокина кажется нам совершенно неправильным: он основан на оценках современников, видевших недостатки, но не бывших в состоянии увидеть достоинства этих работ.

В отличие от Кудрявцева одной из главных, любимых тем Осокина было Возрождение, или, вернее, период истории Италии, который позднее будет обозначен термином «Возрождение». В 60-х годах Осокин опубликовал в «Учёных записках» Казанского университета ряд исследований, посвящённых истории Италии XIV—XVI веков.

Наиболее крупные и интересные из них — «Савонарола и Флоренция» (историческая монография)², «Аттендоло Сфорца и королева Иоанна»³, «Заметки по экономической истории Италии»⁴, «Неаполитанские государи в XIV веке»⁵.

Три первые работы написаны автором в двадцатилетнем возрасте, повидимому, ещё на университетской скамье⁶. Они написаны неумело, отличаются значительными конструктивными и стилистическими недостатками. Однако если отвлечься от внешних качеств юношеских работ Осокина и внимательно вдуматься в их содержание, то впечатление резко изменится. Особенно интересна статья «Заметки по экономической истории Италии» (отношение наемнических войск к экономическому развитию средневековой Италии)⁷.

Связь между ролью наемнических войск — отрядов кондотьеров — и экономическим положением Италии XIV—XV вв. кажется надуманной; автору в тексте работы почти не удаётся установить её, каждая часть статьи живёт самостоятельной жизнью. Там, где автор всё же пытается сделать какие-то выводы для установления этой связи, он приходит к не выдерживающим критики утверждениям, вроде того что «бесконечная междоусобная резня (в условиях средневековой Италии)... не противодействует, а, напротив, способствует экономическому развитию»⁸. Однако понятное для начинающего автора стремление к скороспелым и слишком оригинальным выводам не должно скрывать от нас того обстоятельства, что по своему материалу анализируемая статья заслуживает самого серьёзного внимания.

Действительно, как видно из работ Кудрявцева и как станет ещё более ясно после работы Я. Бурхардта, имеющей всемирный успех, эпоха Возрождения привлекает внимание исследователей и читателей 60—70-х годов пышным расцветом своей культуры, яркостью своих индивидуальностей, не знающих никаких сдерживающих религиозных или этических границ, — всем тем, что отвечало вкусам периода расцвета капитализма. На десятилетия вперёд именно эти стороны будут разрабатываться историками Возрождения. Осокин, проявляя замечательную и симптоматическую самостоятельность, подходит к анализу эпохи Возрож-

¹ Об Осокине см. Вайнштейн О. «Историография средних веков», стр. 303. М. и Л. 1940; Бузескул В. «Всеобщая история и её представители в России», стр. 119. Л. 1919.

² Учёные записки Казанского университета по Отделению историко-филологических и политико-юридических наук за 1863 год. Вып. 1—2-й. Изд. 1865 года.

³ Там же, за 1864 год.

⁴ Там же. Вып. 1-й.

⁵ Там же. № 1—2 за 1873 год.

⁶ Таково, во всяком случае, утверждение В. Бузескула. «Всеобщая история и её представители в России». Ч. 1-я, стр. 117. Л. 1919.

⁷ Учёные записки Казанского университета. Вып. 1-й за 1864 год.

⁸ Там же, стр. 33.

дения со стороны её экономического и социального развития. Правда, он опирается на ряд чрезвычайно ценных работ итальянских исследователей XVIII в., на историко-экономические труды Денина, Чибриаро, Джойа, Прагнини, но это отнюдь не уменьшает его заслуги, так как работы эти в середине XIX в. были основательно забыты, а материал их вызывал тогда только равнодушное презрение.

Осокин привлекает также материалы первоисточников, главным образом хронистов: Виллани, Део, Аммирато, — причём с большой прозорливостью выбирает из них немногие содержащиеся в них характеристики экономического положения страны.

Что касается выводов статьи, то они не вполне определённые, да этого и трудно было бы ожидать при новизне и смелости её темы. Интересно только утверждение Осокина, «что в XIV в. народонаселение достигло в республиканских городах своей высшей цифры, несравненно превосходящей нынешнюю, а что в монархических хотя она и была высока, но значительно ниже современной нам... Следовательно, — разъясняет автор, — гражданская свобода в состоянии удачно конкурировать с самими успехами истории»¹. Это утверждение ярко характеризует своеобразную фигуру автора-учёного, автора-демократа, фанатического поклонника политических свобод².

Весьма примечательно также следующее утверждение Осокина: «Не земледельческой, а торговой и мануфактурной деятельности надо приписать те богатства, которыми отличалась тогдашняя Италия... Всё сельское народонаселение стремилось в города и там на фабриках полагало свой труд, развивая полуостров в одно время и со стороны экономической и со стороны государственной... Так как республиканские города были главными местами мануфактурной деятельности, то они были вместе с тем и многолюднее монархических, которые вообще не могли похвастать своей промышленностью»³.

К сожалению, статья Осокина об экономике Возрождения является единственной в своём роде в его научном наследии. Содержание остальных его работ в основном относится к области политической и культурной истории, т. е. идёт по пути, обычному для его времени. Однако и эти работы во многом представляют интерес. Выдвигая темы самостоятельно и оригинально, автор нередко вступает в области, которые до него совершенно не затрагивались, и строит своё изложение на первоисточниках, главным образом хрониках, опубликованных в классическом многотомном собрании Муратори, а также трудно доступных провинциальных изданиях и журналах. Ознакомление русской читающей публики с фактами, фигурами и источниками, до того совершенно неизвестными, составляет бесспорную заслугу Осокина.

В статьях по истории Флоренции, Неаполя и Милана — трёх крупнейших центров Италии эпохи Возрождения — Осокин стремится живо изобразить социальную и политическую обстановку, царившую в каждом из названных городов, выпукло, индивидуальными чертами обрисовать действующих лиц своего повествования. При этом он продолжает оставаться страстным защитником и восхвалителем демократических свобод, врагом всякой тирании.

Особенно ярко эта направленность работ Осокина сказывается в его исторической монографии «Савонарола и Флоренция». В этом значительном по объёму сочинении (230 стр.), вышедшем уже после классического исследования П. Виллари⁴, автор стремится сохранить самостоятельность в отношении конструкции своего сочинения, привлечения материалов и

¹ Учёные записки Казанского университета. Вып. 1-й за 1864 г., стр. 44, 45—46.

² Бузескул В. Указ. соч. Т. I, стр. 120.

³ Учёные записки Казанского университета. Вып. I-й за 1864 г., стр. 44.

⁴ Виллари П. «Джироламо Савонарола и его время». 1-е изд. Firenze. 1859—1861; 2-е изд., там же. 1887. Русский перевод. СПб. 1913.

выводов. В основном это ему удаётся, в результате чего даже в наши дни, когда о Савонароле написано и издано чрезвычайно много книг, некоторые части работы читаются всё же с интересом. Не менее высоко, чем Виллари, оценивая своего героя — монаха и реформатора Джироламо Савонаролу, — Осокин в противоположность Виллари считает религиозную сторону его деятельности несущественной, служившей только сблочкой политической и социально-революционной борьбе фанатического доминиканца. «Если Перрено и другие, — пишет он, — видят в Джироламо прежде всего человека религии, если они говорят, что знаменитый деятель гражданскую свободу подчинил интересам церкви, то мы держимся совершенно обратного мнения и уверены, что великий мученик своих политических убеждений считал религию удобным и лучшим средством для проведения гражданских идей... все симпатии Савонаролы клонились к стороне угнетённого бедного народа, за которым он признавал такие же гражданские и человеческие права, как за родовой аристократией. Он требовал полнейшего равенства *«la civile equalita»*, которое клал в основание своей политико-государственной теории»¹.

И дальше: «Савонарола действовал таким образом с целью исправить народ и приготовить его к свободе. Только к преобразованному и нравственно очищенному обществу можно было привить гражданские коммунистические понятия Джироламо. Его сочувствие к пролетариату, утешение богатых, всё направление этой христианской общины ясно указывало на зародыши социального развития, которое всегда неразлучно с подобными общественными реформами»². Таким образом, в работе Осокина Савонарола выступает как борец за демократию и свободу народа, за «теократический коммунизм»³, как предшественник Кампанеллы в деле социальных реформ⁴. Такая точка зрения в настоящее время не может быть признана полностью правильной, она требует значительных поправок, но для 70-х годов она была, несомненно, плодотворной и передовой.

Работы Осокина, посвящённые Возрождению, не получили широкого распространения и не оказали серьёзного влияния на дальнейшее развитие русской исторической науки. Однако тот факт, что в провинциальном университете из-под пера неизвестного учёного появляются исследования, столь оригинальные и прогрессивные по своей направленности, хотя во многом и наивные, свидетельствует о громадных творческих возможностях, которые таились в русской науке. Возможности эти проявились в полной мере в творчестве двух русских учёных, которые по своему возрасту могут быть отнесены к одному поколению с Осокиным, а по творчеству — к следующему.

А. Н. Веселовский (1838—1906) принадлежит к числу учёных, которыми справедливо гордится русская наука. Воспитанник Московского университета, Веселовский был учеником Грановского и Кудрявцева, но в то время как преподавание первого оставляло его равнодушным, Кудрявцев, превосходный лектор, объединявший в своих лекциях вопросы истории и литературы, произвёл на него громадное впечатление. Веселовский, по его собственным словам, «весь отдался Кудрявцеву»⁵, который как раз в эти годы почти исключительно занимался итальянским Возрождением, выпустил своего «Данте», работал над «Юностью Екатерины Медичи». Культурно-исторический метод Кудрявцева, устанавливающий тесную связь между явлениями культуры, и в первую очередь литературы, и историческим фундаментом, на котором эти явления строятся, был полностью воспринят формирующимся Веселовским. Но, принимая основную

¹ Учёные записки Казанского университета. Вып. 1—2-й за 1863 г., стр. 147, 148.

² Там же, стр. 159.

³ Там же, стр. 187.

⁴ Там же, стр. 263.

⁵ Автобиография, опубликованная в труде Пыпина А. «История русской этнографии». Т. II, стр. 423.

установку Кудрявцева и заимствуя на первых порах даже некоторые особенности его писательской манеры, Веселовский углубляет подход как к явлениям культуры, так и к историческому её базису. Здесь сказывается увлечение Фейербахом и Герценом, которых жадно читали передовые студенты, несколько позднее — Боклем, классическую работу которого Веселовский продолжал высоко ценить и в зрелые годы¹.

В результате влияния Кудрявцева на А. Н. Веселовского последний на университетской скамье столь же усердно занимается предметами филологических — славянскими языками, санскритом, сравнительной грамматикой, — как и историческими; главной темой начинающего учёного становится эпоха итальянского Возрождения. Для работы над ней Веселовский в университетские годы самостоятельно, с помощью какого-то итальянского винодела, изучает итальянский язык.

По окончании университета, в 1859 г., Веселовский совершает одно за другим, с небольшим перерывом, два путешествия за границу. Он девять лет переезжает из страны в страну, учится в Берлинском и Парижском университетах и затем четыре года (1864—1868) проводит в Италии. В Берлинском университете Веселовский знакомится с новейшими исследовательскими приёмами западноевропейской науки, но в смысле идейном эти занятия дают ему мало. Сухая, профессионально замкнутая немецкая учёность не могла прийтись по душе ученику Кудрявцева. Зато чрезвычайно большое, можно сказать, решающее влияние оказало на Веселовского пребывание в Италии. Эти четыре года были переломными в ходе подготовки национально-освободительной войны итальянского народа против ненавистного многовекового австро-германского ига. Вся страна жила интересами войны. Крупнейшие историки и филологи были в то же время передовыми борцами за национальную свободу своей родины, за победу в ней демократии. И молодой Веселовский, знакомясь с такими людьми, как историк литературы и театра Александро д'Анкаона, историк литературы Франческо де Губернатис, поэт, историк и литературовед Джозуэ Кардуччи, окончательно укрепляется в идеалах демократии, ростки которых были заложены в нём ещё тайными чтениями в Московском университете.

Уже на университетской скамье выработался достаточно чёткий культурно-исторический, реалистический метод исследования Веселовского. В юношеском дневнике, помеченном 1859 годом, годом окончания университета, и носящем подзаголовок «Из дневника человека, ищущего пути», в основе всех рассуждений лежат следующие положения: «Общество рождает поэта, не поэт — общество. Исторические условия дают содержание художественной деятельности; уединённое развитие немислимо, по крайней мере художественное... всякое произведение искусства носит на себе печать своего времени, своего общества»².

Эти замечания начинающего историка очень близки к приведённым выше замечаниям Кудрявцева. Недаром в дневнике Веселовский, также, повидимому, под влиянием Кудрявцева, пытается охарактеризовать в немногих словах переворот в культуре, произведённый Возрождением, при-

¹ Как ни значительна фигура А. Н. Веселовского как учёного, как ни велико его влияние на развитие различных отраслей русской науки, до сего времени не существует монографического исследования о нём. Мы пользовались, кроме произведений Веселовского и небольших заметок в цитированных выше сводных трудах О. Вайнштейна и В. Бузескула, сборником «Памяти акад. А. Н. Веселовского», изданным Отделением русского языка и словесности Академии наук СССР к 15-летию со дня его смерти (П. 1921), специальным выпуском «Известий Академии наук СССР» Отделения общественных наук, посвящённым исполнившемуся в 1938 г. столетию со дня рождения А. Н. Веселовского (№ 4. М. и Л. 1938), и вступительными статьями к отдельным изданиям его сочинений, в первую очередь статьёй В. М. Жирмунского к изданию избранных статей (Л. 1939).

² Сборник «Памяти А. Н. Веселовского». Отделение русского языка и словесности АН СССР, стр. 65, П. 1921.

чём самый термин применяется в кавычках — «возрождение наук» — и не получает того значения, которое он получит впоследствии.

В 1859 г. — год окончания Веселовским университета — выходят и его первые печатные работы: две рецензии и одна статья¹. Причём далеко не случайно эта статья посвящена Данте — предмету занятий Кудрявцева. По своему построению она является расширенной рецензией на книгу Г. Флотто и напоминает одноименную работу учителя. В ней Веселовский пытается в немногих страницах воскресить перед читателем образ великого поэта и породившей его эпохи, на конкретном примере применить принципы, изложенные в приведённых выше записках дневника. «В истории народа есть полосы, — пишет Веселовский в начале статьи, — о которых никогда не наговоришься вдоволь, никогда нельзя сказать слишком много: к таким эпохам мы относим эпохи великих людей и великих созданий. В них лежит для исследователя обаяние двойкой задачи: раскрыть внутреннюю жизнь общества из великих созданий, в жизни общества проследить условия этих созданий»².

В течение пяти лет, следующих за появлением статьи о Данте, Веселовский не дал ни одной научной работы. Он путешествует, учится, собирает материал, детально разрабатывает его. В 1864 г. выходит в свет серия его статей, посвящённых Италии³. Часть этих статей печатается в русских газетах, в первую очередь в «Санкт-Петербургских ведомостях», и содержит впечатления о жизни современной Италии; часть — в итальянских научных журналах и носит исторический и историко-литературный характер. И те и другие статьи представляют интерес для понимания формирования взглядов А. Н. Веселовского на Возрождение.

В статьях «Санкт-Петербургских ведомостей» характерно чрезвычайно тесное и своеобразное переплетение мотивов прошлого и современного положения Италии. Автор всматривается в историю страны, чтобы понять её современное положение, и, наоборот, стремится возможно полнее понять и почувствовать современную жизнь страны, чтобы надлежащим образом разобраться в её истории. Такой подход гарантирует молодого историка от схоластической замкнутости, узости, профессиональной сухости, которые были характерны для бюрократической немецкой науки. Именно такой подход дал Веселовскому возможность правильно подойти к изучению эпохи Возрождения — *Rinascimento*, — привлекавшей взоры всех в период национального освобождения итальянского народа — период *Risorgimento*.

Как на характерный пример такого подхода можно указать на небольшую статью «Данте и мытарства итальянского единства»⁴, описывающую празднование юбилея Данте во Флоренции 14—16 мая 1865 года. Статья содержит несколько кратких, но весьма ярких характеристик Данте и его творчества и наряду с этим выдержанное в остро сатирических тонах описание праздника, со всей его показной, фальшивой пышностью, со стремлением к рекламе и использованию великого прошлого для достижения целей сегодняшнего дня, целей, весьма недостойных. Сторонник и друг итальянского национального освобождения от австро-германского ига, Веселовский выступает здесь против буржуазно-эксплуататорской политики нового туринского правительства, против его централизаторских тенденций, тяжело отражающихся на народных массах. Сторонник тесной связи истории и настоящего, он выступает против дешёвой модернизации истории.

Статьи, помещённые в итальянских журналах, носят другой харак-

¹ Веселовский А. «Данте Алигьери, его жизнь и произведения». Соч. Т. III, I. СПб. 1908.

² Там же.

³ Библиография печатных работ А. Н. Веселовского дана П. К. Симони в сборнике «Памяти А. Н. Веселовского», стр. 127.

⁴ Веселовский А. Соч. Т. III, стр. 30.

тер. Одна из них посвящена новелле «Декамерона» о Гризельде, другая — небольшая рецензия на книгу Замбони «Эццелино, Данте и рабы». Нас особенно должна заинтересовать вторая из них. Из массы итальянских работ молодой учёный выбрал исследование, посвящённое социальной истории раннего Возрождения, такому важному её моменту, как освобождение крепостных крестьян. Вопрос этот был весьма мало разработан в 60-х годах и остаётся мало разработанным в течение последующих десятилетий.

К статьям в итальянских журналах по своему типу примыкает «Итальянская новелла и Макиавелли»¹, помещённая в 1865 г. в «Санкт-Петербургских ведомостях». Это первая работа Веселовского, в которой он ставит широкие синтетические задачи. В полном несоответствии с заглавием в статье ничего не говорится об итальянской новелле и вообще о литературе; она целиком посвящена синтетическому обзору истории Италии от падения Римской империи до XVI века. При этом уже в первых фразах статьи Веселовский обрушивается с жесточайшей критикой на «привычку оптовых приговоров», на твёрдо укрепившиеся в исторической науке, но мало обоснованные ярлыки и определения, пытающиеся одним гермином охарактеризовать события, которые происходили в разных странах и в разные столетия. Он требует внимательного рассмотрения конкретной исторической действительности и даёт краткий опыт такого рассмотрения. Анализируя развитие социальных отношений, политики и культуры Италии как цельный процесс, Веселовский приходит к выводу, что «итальянский народный характер» зародился в героический период коммунальных свобод — конец XIII — начало XIV в., и в это же время возникли предпосылки для освобождения человеческой личности, которое создаёт культуру Возрождения и её наиболее полного выразителя — Макиавелли. Следует отметить, что в кратком изложении разбираемой статьи мы напрасно будем искать термин «Возрождение».

В 1866 г. Веселовский выпустил ряд статей, по своему содержанию примыкающих к статьям 1864 года. Из них обращает на себя внимание небольшое исследование о народных традициях в творчестве Антонио Пуччи, напечатанное в итальянском журнале «Ateneo Italiano»². То, что именно поэзия Антонио Пуччи — певца флорентийского простонародья — привлекла внимание русского историка, чрезвычайно примечательно. В 60-х годах XIX в. такие темы разрабатывались не часто.

Из статей 1866 г. выделяется первая более или менее обширная работа Веселовского — «Данте и символическая поэзия католичества»³. Обращает внимание резкая отповедь автора современным историкам, стремящимся доказать, что уже итальянский XIII век носит в себе все элементы будущего культурного переворота. Попытка расширить хронологические рамки этого переворота встречает со стороны Веселовского решительный отпор.

Как ни важны, свежи и интересны разобранные выше юношеские работы Веселовского, все они только этюды к его первому фундаментальному исследованию, вышедшему в 1867—1868 гг. в Италии в трёх томах под названием «Il paradiso degli Alberti — ritrovi e ragionamenti» («Рай Альберти — находки и рассуждения») ⁴. В 1870 г. это же исследование под названием «Вилла Альберти. Новые материалы для характеристики литературного и общественного перелома в итальянской жизни XIV—XV столетий» выходит в русском переводе ⁵. В этой солидной монографии Веселов-

¹ Веселовский А. Соч. Т. III, стр. 13.

² «Le tradizioni popolari nei poemi d'Antonio Pucci». «Ateneo Italiano», 15 aprile 1866.

³ Веселовский А. Соч. Т. III, стр. 40.

⁴ «Il paradiso degli Alberti — ritrovi e ragionamenti del 1389». Romanzo di Giovanni da Prato dal codice autografo è anonimo della Riccardiana a cura di Aless. Wesselsky. Bologna. T. I—II, 1877; t. III, 1868.

⁵ Веселовский А. Соч. Т. III, стр. 113.

ский успешно применяет теоретические положения, которые были им сформулированы в ранних программных статьях. На основе изучения свежего, не бывшего в научном обороте материала первоисточников он даёт характеристику жизни Италии периода начала Возрождения. Эта характеристика начисто лишена схоластической сухости; живая, полнокровная, учитывающая тесную связь экономических и социальных явлений с явлениями культурными, она решительно избегает «оптовых приговоров», которые становятся всё более навязчивыми в конце 70-х годов.

В основе монографии лежит детальный анализ рукописи конца XVI в., найденной Веселовским в Риккардианской библиотеке Флоренции. Рукопись эта содержит нечто вроде романа с вставными новеллами, причём его действующими лицами является ряд известных исторических деятелей. Издав в свет рукопись, Веселовский не ограничивается историко-литературным её анализом; наоборот, он на основе её материала даёт широкую картину жизни Италии конца XIV — начала XV в.; этот момент он вполне основательно считает переломным в общественном и культурном развитии страны.

Если в предыдущих работах автор не употреблял ни термин, ни понятие «Возрождение», то в «Вилле Альберти» мы встречаем их уже на первых страницах, правда, ещё в иностранном написании — «Renaissance»¹. Здесь же мы впервые встречаем и упоминание о работе Бурхардта. Однако в то время как в Западной Европе большинство исследователей (за исключением ярко реакционных) принимает восторженно работу швейцарского историка и его концепцию Возрождения, Веселовский отнюдь не склонен принимать её без критики. Признавая правильным положение Бурхардта о тесной связи культуры Возрождения с культурой древнего Рима, он, однако, решительно выступает против стремления Бурхардта рассматривать Возрождение как единый организм, неизменный со времени Данте (а может быть, и с более отдалённых времён) до XVI века. «Такое огульное определение по необходимости стущёвывает все частные процессы исторической жизни», — пишет Веселовский, нанося этим смертельный удар концепции Бурхардта. Такой удар западная наука сможет нанести этой концепции только многими десятилетиями позднее.

Но, отрицая возможность огульной характеристики Возрождения, требуя дифференцированного исторического её анализа, Веселовский выступает и против другой стороны концепции Бурхардта, прочно укоренившейся в 70-х годах. Веселовский отказывается признать классическую струю как господствующую в культуре эпохи. Он обращает внимание на мощное, решающее влияние на формирование Возрождения взглядов, вкусов, чаяний широких народных масс, приобретающих право голоса в Италии на пороге Возрождения. Учитывая это влияние, он утверждает: «Нам, стало быть, придётся отказаться от обычного определения «Renaissance» как эпохи, отмеченной усиленным возвращением к латинской древности»².

«Всякая литература, если она живуча, выражает собой прежде всего народное содержание, в богатстве которого Италии отказать нельзя»³, — утверждает Веселовский, а для того, чтобы понять это «народное содержание», необходимо познакомиться с социальной и экономической структурой общества, его порождающего. Так, от анализа неизданной рукописи Веселовский вполне закономерно приходит к анализу социальной структуры общества, эту рукопись создавшего. Такой подход неизбежно приводит к открытому разрыву со ставшей для большинства канонической концепцией Бурхардта; но молодого автора это несколько не смущает; он полон сознания своих сил, веры в мощь творческого духа вскормившей его русской культуры и осмеливается гордо заявить, что работы, подобные

¹ Веселовский А. Соч. Т. III, стр. 120.

² Там же, стр. 121.

³ Там же, стр. 124.

своей, он считает необходимыми, «если сравнительной истории литературы суждено когда-нибудь сделаться в России самостоятельной наукой, а не вечно побираться по задам европейской»¹.

Ни в задачи, ни в рамки нашей статьи отнюдь не входит анализ всего содержания «Виллы Альберти». Нам необходимо только познакомиться с общей концепцией Возрождения, изложенной в «Вилле Альберти» и вполне соответствующей теоретическим высказываниям, приводимым выше. Хронологические рамки Возрождения, по Веселовскому, охватывают период от Данте до Макиавелли, т. е. от конца XIII до середины XVI века. Причём он различает три этапа: первый — от расцвета творчества Данте (конца XIII в.) до революции Чомпи во Флоренции (1378); второй — от революции Чомпи до установления господства Медичи во Флоренции (1434) — и, наконец, третий — от господства Козимо-старшего до творчества Макиавелли в середине XVI века. При этом Веселовский вполне отдаёт себе отчёт в условности таких делений², но считает их всё же полезными. Каждый период получает социальную и культурную характеристику.

Первый (1300—1378) — период Данте, Петрарки и Бокаччио, «блестящий городской период итальянской истории»³, период борьбы горожан с феодалами и в то же время «самая блестящая пора её (Италии. — М. Г.) литературы»⁴, период формирования и побед народного итальянского языка, господства народной стихии в культуре.

Второй период (1378—1434) находится в центре внимания работы и потому, естественно, получает в ней наиболее полную характеристику. Это период перелома. В начале его происходит «буржуазная революция с её обычными иллюзиями и свойственным ей недостатком характера», революция, получающая первый толчок от «плебейского бунта Чомпи»⁵.

В конце этот период ограничивает победа Козимо Медичи, с которого начинается «политическое падение Италии», неизбежно сопровождающееся упадком культуры⁶. Этот период характеризуется глубокими и важными процессами. «Вся эпоха от смерти Бокаччио до победы Козимо Медичи — не что иное, как постепенное замирание и постоянное вырождение в политике и литературе. Вымирает итальянский язык, только что получивший права литературного гражданства, и обновляется латинский, падают народные надежды партии Чомпи, и в то же время победа мелких цехов готовит путь для принципата; вымирает национальная литература, чтобы уступить место придворной поэзии и уединённому философствованию избранных умов, которые начинают сторониться от *profanum vulgus*, собираясь под крылья княжеского меценатства, вскоре приобывшего смотреть на них, как на предметы роскоши»⁷.

Наконец, третий период (1434—1530) — период «существенных потерь и казовых приобретений»⁸; период, переоценивавшийся большинством исследователей, между тем как в действительности его блестящая внешность прикрывает всё более гнилостную сущность; период разложения народных основ Возрождения; социального, политического, а следовательно, в конечном счёте, и культурного упадка.

Такова, исключительная для своего времени по смелости, выдвинутая Веселовским концепция Возрождения, концепция, к которой буржуазная наука придёт только в третьем десятилетии XX в. в трудах Мартина⁹.

¹ Веселовский А. Соч. Т. III, стр. 129.

² Там же, стр. 349.

³ Там же, стр. 124.

⁴ Там же.

⁵ Там же, стр. 220.

⁶ Там же, стр. 24.

⁷ Там же, стр. 218.

⁸ Там же.

⁹ Martin A. «Soziologie der Renaissance».

Основными чертами этой концепции являются подход к Возрождению не как к единому целому, неизменному на протяжении двух с половиной веков, а как к периоду, проходящему разные стадии; подход к Возрождению не только как к перевороту культурному, но и как к перевороту социальному и политическому; установление тесной связи между явлениями культурной и социальной жизни Италии XIII—XVI вв.; наконец, живость трактовки проблемы, её связь с современным ощущением жизни.

Уже первые статьи Веселовского, появившиеся в итальянских журналах и изданиях, обратили на себя внимание как русской, так и иностранной научной печати. Такие крупные авторитеты, как Муссафи в Италии, Гастон Пари во Франции, Либрехт в Германии, откликнулись, например, на его статью о новелле «Про дочь короля Дании»¹. «Вилла Альберти» выдвинула Веселовского в первые ряды мировой науки, превратила молодого русского учёного в корифея исторического творчества. Тот же Либрехт, сочувственно отметивший его ранние опыты, с большой похвалой отзывался о «Вилле Альберти», посвятив ей подробную рецензию в гайдельбергском научном журнале². Но значение того или иного труда определяют не рецензии, а влияние его на дальнейшее развитие науки. В этом отношении судьба «Виллы Альберти» своеобразна. Частные выводы этой работы прочно вошли в науку. Установление Веселовским автора опубликованного им романа, его текстологические и историко-литературные замечания были приняты всеми, и сейчас нет ни одной сколько-нибудь серьёзной работы о культуре Возрождения, в которой не было бы похвального отзыва на книгу Веселовского. Зато самое ценное в книге — её принципиальная основа, общая концепция Возрождения — оказалось почти непонятым западной наукой и привилось, правда, в несколько ослабленном виде, только в русской науке, породившей мощный талант Веселовского и более способной оценить всё своеобразие этого таланта.

«Вилла Альберти» является вершиной работы Веселовского над итальянским Возрождением. В последующих произведениях, посвящённых этой эпохе, он углубляет и дополняет сказанное в этой книге, но принципиально нового даёт немного. В 1870 г. Веселовский защищает при Московском университете вышедшую в русском издании «Виллу Альберти» в качестве диссертации на соискание учёной степени магистра. Речь, произнесённая им при защите, была напечатана под названием «Взгляд на эпоху Возрождения в Италии»³. Она содержит основные положения большой монографии, причём в первую очередь уделяет внимание явлениям литературного порядка.

В 1871 г. в «Вестнике Европы» выходит написанная Веселовским биография Джордано Бруно⁴. В настоящее время, когда о Бруно написаны десятки книг и сотни статей, когда опубликована масса первоисточников, неизвестных в то время Веселовскому, статья эта кажется устарелой, но в 1871 г. это была первая русская работа о великом философе-революционере, да и западная наука знала о нём ещё весьма мало⁵. В этой работе Бруно выступает как выразитель не осознанных самим народом его революционных стремлений и чаяний, как истинный представитель Возрождения, понимаемого как глубокий социальный переворот.

Большой интерес представляет попытка Веселовского ответить на вопрос, неизбежно возникающий перед всяким исследователем, который серьёзно задумывается над проблемами Возрождения. Чем объяснить то,

¹ См. цитированный выше список трудов: Веселовский А. Соч. Т. III, стр. 5; Алексеев П. «А. Н. Веселовский и западное литературоведение». «Известия Академии наук. Отделение общественных наук» № 4 за 1938 г., стр. 131.

² См. Алексеев М. Указ. соч., стр. 132.

³ Веселовский А. Соч. Т. III, стр. 359.

⁴ Веселовский А. «Джордано Бруно — биографический очерк». Избранные статьи, стр. 359. Л. 1935.

⁵ См. ценный комментарий М. П. Алексеева к статье о Джордано Бруно

что XVI век, век глубокого социального, экономического и политического упадка Италии, рождает ещё значительное количество гениальных творцов замечательных произведений? Микель Анджело и Галилей, Бруно и Кампанелла могут быть названы как примеры. «Мы страшно ошибёмся, — отвечает на этот вопрос Веселовский, — если в памятниках философской мысли и поэтических восторгов станем искать совместности с тем или другим прогрессом общества, с фактами его внешней истории. События обыкновенно определяют философский и поэтический синтез, который подводит итоги прошлому, вдохновляется сложившимися идеалами, формирует приобретённое, прожитое. Между тем история может идти вперёд, общество повернуть в сторону и даже стать вразрез с современной ему философией и поэзией. Человечество живёт быстрее, чем думает, и сводит итоги, когда жизнь уже успела опередить только что изготовленную формулу и готовит материалы для нового обобщения, которое опоздает в свою очередь. Так объясняется внутреннее противоречие эпох неустойчивости, социального упадка и величавого расцвета литературы и искусства»¹.

В 1872 г. в журнале «Беседа» выходит обширная статья Веселовского «Из истории развития личности. Женщина и старинные теории любви»². В этой работе, посвящённой анализу положения женщины в средние века и в эпоху Возрождения, снова повторяется концепция «Возрождения», данная в «Вилле Альберти»³.

После 1872 г. внимание Веселовского всё больше сосредоточивается на вопросах сравнительного литературоведения, на материале древнерусской литературы и несколько позднее — на проблемах поэтики. Всё реже появляются работы, посвящённые итальянскому Возрождению. В 1876 г. он публикует три письма Бокаччио⁴. В 1887 г. в «Журнале министерства народного просвещения» выходит его статья под названием «Противоречия итальянского Возрождения»⁵. Это — создание уже вполне зрелого учёного. Статья содержит ряд ценных и весьма тонких замечаний, однако по своей принципиальной значимости уступает ранним работам автора. Повидимому, под влиянием своих занятий литературой Веселовский почти исключительно интересуется здесь явлениями культурного порядка.

В 1888 г. появляется небольшая заметка Веселовского о генуэзской колонии в Крыму — Каффе⁶. Затем, после нескольких мелких статей о новеллах «Декамерона», в 1891 г. выходит первый том этого величайшего произведения Бокаччио в переводе Веселовского. В 1892 г. выходит второй том перевода, в 1893 г. — первый том обширного монографического исследования — «Бокаччио, его среда и сверстники», где на 545 страницах излагается личная и творческая биография великого флорентинца. В 1894 г. это издание заканчивается выпуском второго тома (680 стр.), разбирающего отдельные вопросы творчества Бокаччио и его окружения.

Эта монография, от которой можно было ожидать нам более полного синтеза многолетних работ над материалом Возрождения, является, пожалуй, наиболее устаревшей, наименее интересной из всех работ Веселовского. В монографии содержится значительное количество метких замечаний, ценных соображений, она построена на базе колоссального фактического материала; но попытки анализа, смелой постановки вопроса о специфике Возрождения, широкие исторические перспективы исчезают в этой работе. Веселовский в предисловии к первому тому так формулирует цели своей книги: «Самостоятельно и лично передумать Бокаччио, углубиться

¹ Веселовский А. Избранные статьи, стр. 378—379.

² Там же, стр. 70.

³ Там же, стр. 70, 93—96, 113.

⁴ Записки Историко-философского факультета истории Санкт-Петербургского университета. Ч. 2-я. 1876.

⁵ Веселовский А. Избранные статьи, стр. 258.

⁶ «Журнал министерства народного просвещения» (ЖМНП). Ч. 256-я, стр. 332—338. Апрель 1888 года.

в его психику и за стилистом и мыслителем раскрыть человека яркого темперамента и идеальных стремлений, в одно и то же время слабого и страстного, застенчивого и полного самосознания, впечатлительного к тем течениям культурной среды, которые он живо воспринимал и выражал». В результате получается солидная научная работа, по своему типу мало отличающаяся от ряда исследований западноевропейских учёных.

В 1905 г., за год до смерти, семидесятилетний Веселовский выпускает свою последнюю работу о Возрождении, посвящённую Петрарке и его Канцоньере¹. В этом исследовании, написанном с обычным мастерством, черты, характерные для большой монографии о Бокаччио, выступают ещё более резко. Как явствует из заглавия статьи, Веселовский ставит себе в ней исключительно задачу психологического анализа творчества автора знаменитых сонетов и канцон, причём осуществляет её с полной последовательностью. Так, Веселовский, начав со смелых, революционных работ по Возрождению, проложивших дорогу и указавших пути последующим исследователям на ряд десятилетий, заканчивает свою деятельность работами зрелыми, но значительно менее важными и интересными с точки зрения принципиальных проблем.

Обстоятельство это отнюдь не должно отразиться на нашей общей оценке роли А. Н. Веселовского в изучении эпохи Возрождения. Органически связанный со своими научными предшественниками, воспитанный русской культурной средой, усвоивший всё лучшее, что давала исследовательская техника западноевропейской исторической науки, он в своих ранних работах стоит намного выше не только своих учителей, но и многих поколений своих последователей.

Совсем иную картину мы найдём, перейдя к рассмотрению творчества другого крупного русского учёного — М. М. Ковалевского. Этот учёный по яркости и значению своей творческой индивидуальности во многом наминает Веселовского, и хотя в работах его вопрос о Возрождении как будто и не ставится, их не может обойти ни один исследователь, серьёзно стремящийся разобраться в том, что же собой представляет исторический переворот, называемый Возрождением.

М. М. Ковалевский (1851—1916)², воспитанник Харьковского университета, ученик замечательного русского юриста Д. И. Каченовского, окончил юридический факультет в 1872 году. Повидимому, именно лекции Каченовского зародили в молодом Ковалевском интерес к материалу итальянского Возрождения. В своих воспоминаниях он пишет: «Натура Каченовского была художественная. Это сказывалось не только в удачном выборе эпитетов, в красивой и стройной периодичности его речи, но и в увлечении, с которым он изучал не только Шекспира и Сервантеса на их родном языке, но и творения первых флорентинских зодчих, скульпторов и живописцев»³.

С университетской скамьи Ковалевский вынес хорошую философскую подготовку, фундаментальное знакомство с творениями Канта и Гегеля, а также увлечение социальными идеями Прудона. «Это увлечение, — пишет Ковалевский в воспоминаниях, — кажется прошло только после чтения марксовской «Бедности философии»⁴.

¹ Веселовский А. «Петрарка в поэтической исповеди Canzoniere (1304—1904)». Отдельное изд. 1905 и 1912 годов.

² О М. М. Ковалевском см. Бузескул В. «Всеобщая история и её представители в России». Т. I, стр. 201. Л. 1919; Вайнштейн О. «Историография средних веков». М. и Л. 1940, и ряд статей, некрологов в различных журналах. Для нашей темы особенно интересны: Грацианский Н. «М. М. Ковалевский как историк средневековья». «Вестник Европы» за июнь 1916 г., стр. 143; Боголепова А. «М. М. Ковалевский как историк политической мысли». «Вестник Европы» за июль 1916 г., стр. 249; Струве П. «М. М. Ковалевский». «Русская мысль» за май 1916 г., стр. 98.

³ Ковалевский М. «Моё научное и литературное скитальчество». «Русская мысль». Кн. 2-я, стр. 61. Январь 1895 года.

⁴ Там же, стр. 65.

Окончив университет и потеряв своего руководителя Каченовского, Ковалевский направляется за границу. Здесь он учится сначала в Берлинском университете, который вызывает в нём, верном ученике Каченовского, возмущение своим бюрократизмом, сухостью и прусским шовинизмом. Увлекаясь уже в это время проблемами социальной структуры общества и государства, он особенно возмущается берлинскими социологами, так называемыми катедер-социалистами: «Они устраивали один в честь другого ужины по подписке, пророчили конец манчестерианству и начало новой эры и в теории политической экономии, и в экономическом законодательстве, они искали сближения с Бисмарком, открыто проповедовали шовинистический, чисто прусский патриотизм и пристраивали к кафедрам соответственных учеников и последователей»¹.

Некоторое впечатление на молодого Ковалевского произвёл только Дюринг. Начинаящий, но уже требовательный к себе учёный переезжает в Париж, где напрасно в Юридической высшей школе (Ecole de droit) и в Университете (Collège de France) ищет того, чего не нашёл в Германии, — полного усвоения приёмов самостоятельного исследования. «Но что я не нашёл в Collège de France ни в Ecole de droit, — пишет он в воспоминаниях, — то я нашёл в специальной школе хартий»².

Здесь молодой юрист, социолог и экономист садится за средневековые рукописи, изучает палеографию, приёмы чтения и критики старинных документов. Занятия эти совершенно неожиданно оказываются решающими для всей дальнейшей деятельности Ковалевского, в частности для изучения им эпохи Возрождения. Он становится неутомимым исследователем архивов, в которых чаще всего находит и изучает материалы, не привлекавшие раньше внимания историков, а это придаёт многим из его работ свежесть и новизну. На основании архивных материалов Ковалевский пишет свои первые работы, посвящённые юридической и экономической истории Франции позднего средневековья. Затем он переезжает в Англию, где знакомится со Спенсером и Марксом. Сочинения Маркса уже несколько раньше стали оказывать сильное влияние на формирующегося учёного. При личном знакомстве с Марксом Ковалевский не сразу и не вполне оценил титаническую фигуру создателя научного коммунизма, но он внимательно изучил его произведения; они прочно вошли в его научный обиход, так что с этого времени он обычно называет себя учеником и последователем Маркса. И всё-таки Ковалевский не нашёл в себе достаточной смелости, чтобы целиком принять выводы и метод теории Маркса.

Ковалевский на всю жизнь остался буржуазным эклектиком. Но таковы глубина и сила учения Маркса, что даже воспринятое частично, оно оплодотворяет научное творчество, вливает в него революционную, животворящую струю. Свои зрелые годы Ковалевский проводит частью в России (1877—1887 и 1905—1916), где преподаёт в Московском, а затем Петербургском университетах, частью за границей, где работает в архивах и библиотеках, читает многочисленные лекции и тем немало способствует «престижу русской умственной культуры заграницей»³. В эти годы выходят крупнейшие исследования Ковалевского, в частности те, которые имеют столь большое значение для истории Возрождения.

Исследования эти могут быть разбиты на две, довольно резко отличающиеся друг от друга группы. К первой относятся работы, посвящённые истории создания буржуазного государства, его юридической структуры и политической идеологии. Крупнейшими из работ этого типа являются «Происхождение современной демократии» (1-е изд. в четырёх томах. 1896—1897; 2-е изд. в четырёх томах. 1899; 3-е изд. в пяти томах.

¹ «Русская мысль». Кн. 2-я, стр. 68. Январь 1895 года.

² Там же, стр. 69.

³ «Воспоминания» Д. Н. Овсяннико-Куликовского. Цит. по В. Бузескулу. Указ. ссч. Т. 1, стр. 207.

1912) и «От прямого народоправства к представительному и от патриархальной монархии к парламентаризму» (в трёх томах. 1906). Обе эти монографии как бы дополняют друг друга; причём более ранняя посвящена более позднему периоду, анализирует политические идеи и события французской революции и эпохи, ей непосредственно предшествовавшей, в то время как более поздняя посвящена идеям и событиям предшествующих трёх веков.

Как в той, так и в другой книге Ковалевский уделяет значительное внимание материалу итальянского Возрождения. Он разбирает политические идеи Савонаролы, Макиавелли, Гвиччардини, венецианских политических писателей. Ничего принципиально нового в трактовке идей и событий мы здесь не найдём. Итальянский материал интересует исследователя только попутно, в основном его внимание сосредоточено на Франции и Англии, и только одна часть «Происхождения современной демократии» — её четвёртый том — целиком построена на итальянском материале. Но она носит подзаголовок «Конец аристократических правительств», посвящена гибели Венецианской республики в конце XVIII — начале XIX века и материала эпохи Возрождения касается лишь мимоходом.

К названным крупным работам по своему характеру и содержанию примыкает статья о Ботеро и Кампанелле — двух итальянских писателей XVI века¹. В этой статье Ковалевский утверждает, что «в Италии эпохи Возрождения скрывается зародыш всего того, что составляет природу европейской гражданственности. Принципы свободы, равенства и народного суверенитета, возводимые обыкновенно к эпохе французской революции, имеют свои глубокие корни в той муниципальной автономии, какой добились городские общины Италии со времён обоих Фридрихов»².

Из приведённых строк ясно, что автор уже вполне освоился с понятием «Возрождение» и что он возводит его к тем социальным сдвигам, которые происходят в итальянских коммунах начиная с XIII века. Однако этим и исчерпывается для нас принципиальный интерес статьи. Дальнейшее её изложение показывает, что Ковалевский преувеличивает влияние политической идеологии, считая её причиной важнейших социальных сдвигов, происходивших в интересующий нас период, и основное внимание уделяет изложению и анализу произведений двух названных выше писателей.

Совсем иное место занимает материал, заимствованный из истории Италии и относящийся к периоду Возрождения и предшествовавшим ему столетиям, в работах второй группы. Темой этих работ является возникновение капиталистического хозяйства, капиталистической экономической системы. К этой группе относится серия трудов, причём главнейшие из них представляют собой написанные в разное время и в разных масштабах варианты одного и того же исследования. Так, в 1899 г. были опубликованы лекции Ковалевского, читанные им в Брюссельском университете под названием «Развитие народного хозяйства в Западной Европе». В 1898—1903 гг. выходит основной труд из этой группы работ — «Экономический рост Западной Европы до возникновения капиталистического хозяйства», в трёх томах. В 1901—1917 гг. за границей появляется в немецком издании расширенный, семитомный вариант этой громадной работы и, наконец, в 1905 г. в сборнике «Русская высшая школа общественных наук в Париже» — краткое изложение итогов многолетних исследований — статья «Исходные моменты в развитии капиталистического хозяйства».

Такое многократное изложение одного и того же вопроса показывает, насколько серьёзно подходил к нему Ковалевский, насколько глубоко он им интересовался. Уже со студенческих лет и, во всяком случае,

¹ Ковалевский М. «Развитие идей государственной необходимости и общественной правды в Италии — Ботаро и Кампанелла.» «Вопросы философии и психологии» за январь 1896 г., стр. 131.

² Там же.

с тех пор, как Ковалевский начал преподавать, его занимает проблема создания капиталистического строя. Эту проблему он пытается разрешить, сначала опираясь на свои углублённые философские знания, а позднее привлекая, правда, не всегда правильно и полно, учение Маркса. Понятно, что в этой работе значительное, можно сказать, решающее место занимает материал итальянский, принадлежащий к тому периоду истории Италии (XIII—XVI вв.), в который на её почве появляются и бурно растут первые в Европе зародыши капитализма. В своих воспоминаниях Ковалевский, говоря о впечатлении от лекций проф. Нитча в Берлинском университете, пишет: «Лекции мои о сословной монархии и о городских республиках Италии внушены были косвенно тем, что я слышал в Берлине: но задача моя, более скромная в своих рамках, была поставлена несколько шире в том смысле, что, не довольствуясь одним описанием политических форм, их генезиса, развития и вырождения, я старался найти этому основу в изложении социального строя. В этом сказывался скорее последователь кантовской философии и ученик Карла Маркса, нежели внимательный слушатель весьма учёных, правда, но несколько отрывочных и не приведённых в строгую эволюционную систему линий берлинского историка»¹.

Действительно, самая постановка вопроса, детальный, тщательный и осторожный анализ социальных и экономических фактов прошлого, причём фактов, восстанавливаемых почти исключительно по безукоризненно достоверным первоисточникам, обнаруживают в этих работах влияние Карла Маркса. К сожалению, мы не можем сказать того же о выводах, об общем теоретическом костяке этих работ. Выводы вообще составляют слабую сторону научного творчества Ковалевского. Это не означает, что Ковалевский в своих работах не даёт синтетических суждений. Наоборот, во многих его трудах мы находим и весьма ценную, интересную и острую критику концепций других авторов и изложение его собственной концепции. Но эта концепция чаще всего неглубока, произвольна и, во всяком случае, значительно беднее, чем материал, приводимый для её обоснования. Особенно ярко бросается это в глаза в более ранних работах Ковалевского, например в вышеназванных брюссельских лекциях. По своей структуре эта небольшая книга в точности соответствует монументальному трёхтомному исследованию, так же, как и оно, распадаясь на три части: 1) происхождение и развитие поместного хозяйства, 2) его разложение, 3) формирование, особенности и разложение средневекового цехового городского хозяйства. По каждому из этих разделов приводится большой фактический материал, чаще всего впервые вводимый автором в научный оборот. Доминирующее место во втором и третьем разделах, составляющих основную, наиболее интересную часть работы, занимают факты экономической и социальной жизни Италии XIII—XVI вв., т. е. Италии эпохи Возрождения. Ковалевский приводит ряд фактов из истории Италии этого времени, особенно в главах, посвящённых развитию феодального сельского хозяйства и роли городских коммун. Эти факты новы, изложены исключительно выпукло и бросают яркий свет на эпоху Возрождения, которая в этом аспекте, во всяком случае в конце XIX в., почти не изучалась².

Но если мы от этого богатства красок, свежих наблюдений и сопоставлений перейдём к первой главе работы Ковалевского, озаглавленной «Взгляд на эволюцию экономических порядков», то мы найдём в ней, во-первых, острую критику концепций Джино Лориа, Карла Бюхера и других, а во-вторых, его собственные утверждения: «Экономическая эво-

¹ Ковалевский М. «Моё научное и литературное скитальчество». «Русская мысль». Кн. 2-я, стр. 67. Январь 1895 года.

² Исключение составляют только труды итальянского историка Джино Арнаса и отчасти историка социальных отношений Гаэтано Сальвемини.

люция представляет две (а не, как утверждает Бюхер, три) главные эпохи: 1) эпоху хозяйства, рассчитанного на удовлетворение местного спроса и на непосредственное потребление, и 2) эпоху менового хозяйства», — и основной вывод: «Продолжительные изыскания привели меня к тому заключению, что главным фактором всех изменений экономического строя является не что иное, как рост населения». Бедность этих выводов, их полное несоответствие с приводимым для их обоснования ярким, красочным и новым материалом ясны сами собой.

Ещё большее несоответствие между материалом и выводами мы найдём в большой работе — «Экономический рост Западной Европы до возникновения капиталистического хозяйства», — которую Ковалевский справедливо считал своим главным трудом. И здесь выводы (в основном те же) устарели и особой ценности не представляют. Зато громадный материал, приводимый на сотнях страниц монументальных трёх (в немецком издании семи) томов, и соображения, высказываемые в процессе комментирования этого материала, сохраняют научную ценность до наших дней. Материалу Возрождения посвящены значительная часть (больше половины) второго тома, анализирующая разложение феодального поместья, и некоторая часть третьего тома, анализирующая городское хозяйство. Если свести воедино всё, что сообщается об экономической и социальной истории Италии в этих двух томах, то мы получим почти полную картину социальной и экономической структуры страны в эпоху Возрождения. Эту картину пытался, но не мог воссоздать Осокин, её чувствовал, но по характеру своих занятий не мог дать Веселовский и совершенно не показала западноевропейская наука конца XIX и начала XX века.

Цитируя обильные источники, в значительной части извлечённые из итальянских архивов, Ковалевский шаг за шагом показывает, как трансформируется феодальное поместье. Мы видим, как возникшие рядом с поместьем городские коммуны ускоряют процесс этой трансформации, проводя в законодательном порядке освобождение рабов и крепостных на землях соседних феодалов. Освободившиеся вследствие раскрепощения безземельные сельские жители переходят в города, где включаются в систему стихийно растущих ремесленных мастерских. Последние в результате накопления капиталов у владельцев и появления рынка свободных рабочих рук постепенно превращаются в мануфактурные предприятия капиталистического типа.

Так, в монументальном труде Ковалевского, особенно в его втором томе, в котором ни разу не встречается термин «Возрождение», мы находим полную картину социально-экономической основы всех событий этого бурного периода. Такую картину только в последние полтора — два десятилетия дала западноевропейская историческая наука в трудах Дорена, Сапори, Ваккари, Вальзекки, Киаудано, Сэйу и др.

При сопоставлении работ Ковалевского с почти одновременно появившимися трудами австрийского историка-экономиста Вернера Зомбарта чрезвычайно ярко обнаруживаются вся важность и ценность их.

Ковалевский, прекрасно сознававший своё превосходство над Зомбартом и не раз выступавший с критикой его взглядов, особенно резко обрушивается на него в последней из своих работ о происхождении капитализма — в статье «Исходные моменты в развитии капиталистического хозяйства». Эта статья, в которой сведён воедино весь изученный Ковалевским материал, является наиболее зрелым произведением данного рода. Построенная почти исключительно на итальянском материале эпохи Возрождения, она может быть названа лучшей сводной работой по экономике и социальной структуре Возрождения, вышедшей из-под пера русского исследователя, и одной из лучших в мировой литературе по этому вопросу.

В этой наиболее зрелой своей работе Ковалевский совершенно не делает общих выводов; он начинает изложение прямо с анализа фактов XIV в. и кончает его анализом политических и социальных теорий XVI века. В основном тексте он даёт беглый и чрезвычайно острый обзор разложения феодального сельского хозяйства в Италии, освобождения крепостных, перехода крестьянского населения в города и происходящего здесь обособления интересов капитала от интересов труда, образования мануфактурных промышленных предприятий, развития международной торговли, создания и роста банков и ломбардов, начала эксплуатации колоний, развития техники и, наконец, создания новой экономической теории.

В этом превосходном, ярком и в то же время сжатом изложении, в основных чертах идущем по пути, предначертанному Марксом в первом томе «Капитала», Ковалевский не только резко восстаёт против зомбаровской теории первоначального накопления как результата аккумуляции земельной ренты, но и показывает на практике, каким может и должен быть анализ фактов, столь грубо и искусственно истолковываемых австрийским исследователем.

Таким образом, в лице М. М. Ковалевского, юриста и экономиста по образованию, но настоящего, смелого историка по существу его деятельности, русская наука о Возрождении имеет одного из крупнейших своих представителей, несмотря на то что он систематически Возрождением не занимался.

Проанализированные работы Ковалевского, как в момент их появления, так и в значительной мере и сейчас, являются лучшими из того, что в общей форме написано об экономической и социальной структуре Возрождения; поэтому без изучения их не может обойтись ни один историк, стремящийся серьёзно изучить этот период.

К одному поколению с М. М. Ковалевским принадлежит умерший гораздо раньше М. С. Корелин (1855—1899). С такими крупными, глубоко оригинальными и самобытными учёными, как Веселовский или Ковалевский, Корелин сравнения не выдерживает, но всё же он сыграл довольно значительную роль в развитии русской науки о Возрождении. В лице Корелина эта наука имеет типичного историка-профессионала и притом профессионала, всю жизнь свою посвятившего изучению Возрождения, главным образом в его идеологическом аспекте¹.

Воспитанник Московского университета, а затем профессор этого же университета, он в течение ряда лет разрабатывал историю гуманизма. Плодом этой работы явилось большое, двухтомное (во втором издании четырёхтомное) исследование «Ранний итальянский гуманизм и его историография» (1-е изд. СПб. 1892; 2-е изд. СПб. 1914).

Исследование это построено на громадном количестве первоисточников и на исчерпывающем для того времени изучении литературы вопроса. Критическому обзору этой литературы посвящена обширная первая часть работы. Стремясь каждое своё утверждение, каждую оценку строить исключительно на детальном изучении источников, не доверяя без критики ни одному из ранее высказанных мнений, Корелин анализирует и излагает большое количество источников: гуманистических трактатов, писем, исторических работ, часть которых до него не была введена в научный оборот. Впервые после ставшей классической, но к концу XIX в. уже порядком устаревшей, хотя и постоянно переиздававшейся

¹ О Корелине, кроме книг В. Бузескула «Всеобщая история и её представители в России». Т. I, стр. 40, О. Вайнштейна «Историография средних веков», стр. 316, см. ряд некрологов и статей: Ключевский В. «М. Корелин. «Вопросы философии и психологии», стр. VIII. Январь — февраль 1899 г.; Любавский М. «М. С. Корелин как преподаватель средней школы». «Русская мысль». Кн. X за 1899 г., стр. 124. Иванцов М. «М. С. Корелин как профессор и руководитель студенческих занятий»; там же, стр. 137.

книги Фойхта¹, мы находим в работе Корелина полный и основанный на самостоятельном исследовании обзор раннего гуманизма, во многом дополняющий и видоизменяющий прочно вошедшие в науку взгляды Фойхта. Именно в широте подбора, разнообразии первоисточников и самостоятельном их пересмотре—основная заслуга исследования Корелина, которое во многих своих частях не потеряло значения и ценности до настоящего времени.

В 1896 г., через четыре года после выхода своего капитального труда о гуманизме, Корелин выпустил в виде отдельного сборника свои появлявшиеся ранее в различных изданиях статьи². Первая из них, предназначенная для энциклопедического словаря Брокгауза и Эфрона, под названием «Что такое Возрождение» содержит в наиболее сжатом виде общий взгляд Корелина на анализируемую им эпоху. «Возрождением или гуманизмом, — пишет Корелин, — называется движение, освободившее на западе Европы личность и культуру от порабощения католической церковью и положившее прочное начало новой, независимой науке, светской философии, литературе, школе и самостоятельному искусству. Оно началось в Италии, откуда распространилось с большей или меньшей силой по всей Европе, и было первым проявлением в новой истории культурного роста личности, которая стала относиться критически к современному, уже отжившим тогда культурным формам»³.

Вслед за этим общим определением, учитывающим только идеологические явления, следует краткое и притом формальное упоминание о политических и социальных сдвигах, которые рассматриваются не как основа сдвигов культурных, а как самостоятельное явление: «Этот процесс разложения средневековых форм начался раньше гуманистического движения и проистекал из одинаковой с ним причины»⁴.

Затем следует подробное рассмотрение основных черт гуманистического индивидуализма и вообще гуманистической идеологии. К вопросам социально-экономическим автор больше не возвращается. При этом анализ идейного материала, базирующийся на результатах названной выше фундаментальной работы, во многом дополняет, исправляет и обобщает изложение Бурхардта и Фойхта, но принципиально не выходит за их пределы.

В более поздних работах Корелина, к сожалению, прерванных его преждевременной смертью и напечатанных посмертно в незавершённом виде, осторожность его выводов, неоригинальность его концепции при громадном богатстве и исключительной свежести материала сказываются ещё сильнее.

Таковы «Очерки развития философской мысли в эпоху «Возрождения» (в 1897 г. вышла только первая часть, посвящённая миросозерцанию Франческо Петрарки)⁵ и особенно три отрывка из задуманного им большого исследования о Лоренцо Валле, часть которого была напечатана до, а часть после смерти автора⁶. Статьи эти приводят либо излагают содержание тех или иных гуманистических произведений (статьи о Петрарке и Валле), либо рассказывают о политических событиях (статья

¹ Фойхт Г. «Возрождение классической древности или первый век гуманизма». Русский перевод. СПб. 1884—1885.

² Корелин М. «Очерки итальянского Возрождения». «Библиотека «Русской мысли» за 1896 год. М. Этот же сборник был затем издан вторично в 1910 году.

³ Там же, стр. 1.

⁴ Там же, стр. 2—3.

⁵ «Вопросы философии и психологии», стр. 14. Январь—февраль 1897 г., стр. 329, март—апрель 1897 года.

⁶ Этический трактат Лоренцо Валле «Об удовольствии и об истинном благе». «Вопросы философии и психологии», стр. 391. Сентябрь 1895 г.; «Папство в эпоху гуманизма». «Русская мысль», стр. 70. Октябрь 1899 г.; «Папский секретарь и гуманист Паджио Брачиолини». «Русская мысль», стр. 105. Декабрь 1899 года.

о папстве), но элемент анализа в них представлен довольно слабо, о синтезе же автор и не помышляет.

Однако тот бесспорный факт, что в отношении обобщений, общей концепции работы Корелина являются шагом назад по сравнению с замечательными трудами Веселовского и Ковалевского, не должен умалять те качества, которые до наших дней делают эти работы незаменимыми для всякого историка Возрождения. Исключительная ценность собранного московским исследователем громадного материала, тщательное и чрезвычайно добросовестное изучение и изложение его ставят работы Корелина выше подавляющего большинства современных ему западноевропейских исследований, посвящённых тому же вопросу.

Сочинения Корелина и поздние работы Ковалевского завершают собой недолгий, но яркий период расцвета русской науки о Возрождении.

Советской науке о Возрождении мы посвятили особый, вышедший несколько лет назад обзор¹ и к этому вопросу здесь возвращаться не будем. Ограничимся выражением твёрдой уверенности в том, что громадная творческая сила, смелость и оригинальность русских классических исследований о Возрождении явятся залогом дальнейшего расцвета советской исторической науки и в этой области.

¹ «Советская литература по итальянскому Возрождению». «Исторический сборник» № 1 за 1934 г., стр. 193.